

ного положенія своего о вѣрѣ. Онъ охраняетъ свое спокойствіе изъ всѣхъ силъ и, какъ монахъ на послушаніи исполняетъ свою «службу», онъ дѣйствуетъ рационально, его религія—хозяина и работника, вельнѣй и послушанія. Выполнилъ свою задачу—и тебѣ хорошо и спокойно. Вотъ утренній ритуаль, описанный самимъ Толстымъ:

«Читаю по утрамъ «Отче нашъ» и твержу тексты о любви. Задаю себѣ вопросы: точно ли я вѣрю, что я въ Богъ и Богъ во мнѣ? И что жизнь въ увеличеніи любви? Правда ли, что я не хочу жить для похоти и для славы». Потомъ слѣдуютъ поученія: берегись искушеній, тщеславія, объяденія и пр. Такъ я молюсь каждый день,—заканчиваетъ свое письмо отъ 1901 года Толстой.

Онъ твердитъ тексты любви, какъ-будто этотъ великій психологъ никогда не зналъ, что заповѣдь любви жива и дѣйствена только какъ чувство, и мертва какъ текстъ, сколько ее ни тверди и ни заучивай. Онъ спрашиваетъ себя ежедневно по утрамъ, свободенъ ли онъ отъ похотей и отъ желаній славы, какъ-будто сдвигъ его личнаго утвержденія не совершился и онъ хочетъ утвердиться на словахъ.

Его заботы—приготовить свой маленькій ручеекъ къ великому слянію съ универсальнымъ и уничтожиться въ немъ; эти заботы